

Часть первая: курьер

10 ноября 2016

Мой первый рабочий день в должности курьера Федеральной почтовой службы несколько часов назад был завершен. Из неприятного только то, что я не успела пообедать и стоял не соответствующий ноябрю морозец. В самом начале рабочего дня появилось бешенство на наш город: автобусы вечность стоят в пробках, а мы платим за эту вечность немереную сумму — 20 рублей! Хотя, конечно, вечность стоит дороже. И взбесила политика градостроения Перми:

улица Малкова до безумия хаотично застроена за последние годы — дом 28/1 в одном конце улицы, а 28-ой в середине, еще и скрытый заборами-лабиринтами. Будто эти дома, опьянев от мороза, шатаясь, скачут из одного места в другое. Возможно, за ночь на Малкова все снова поменяется.

Пообщалась с вахтерами и алкоголика-ми с улицы Академика Вавилова, помогавшими найти квартиру нужного мне адресата. Удивительно сейчас живут люди: некоторые адресаты прописаны у своих бывших жен, при этом их никто уже давно не видел, часть пребывает в бессрочных командировках, а одного и вовсе не знали квартиранты, проживающие в его квартире. В конце дня

на предпоследнем письме меня даже пригласили зайти в квартиру и присесть на табурет, пока распишутся в уведомлении о получении письма. Пригласила девушка моего возраста, довольно милая. Получала она письма по доверенности за своего супруга, а супруг при этом был в квартире и годился ей в отцы. Весь день по дворам, которым шла я, шли такие же курьеры, расклейщики объявлений, уборщицы подъездов, вахтеры, дворники и прочие, молодые и старые, бодро шагающие и еле ползущие, цветущие и затухающие — все те, кого сейчас принято брать на должность «без опыта работы». Правда, удивительно сейчас живут люди!

P.S. Апогеем стало общежитие на Малюкова, где жильцы последних по коридору комнат придумали устроить что-то вроде беседки, огороженной от остальных жильцов решеткой от пола до потолка, в этом же общем коридоре. Кстати, жилец одной из этих комнат, в бархатном халате с тесьмой, не знал номера своего жилища.

13 ноября 2016

Второй день в роли курьера окончен. А я все-таки устала! Устала конски, как устают рабочие люди. Это логично, потому что в России курьеров причисляют к рабочему классу. Домой еле шла. Хватило сил закурить сигарету и держать ее во рту, как настоящий работяга. Мне кажется, что меня качало из стороны в сторону, словно тощее дерево на ветру. Но шла я с чистой совестью и чувством выполненного долга. У 37 россиян испорчен пятничный вечер: всем этим людям я засунула в ящик письма либо уведомления от приставов. Сегодня была исключительно корреспонденция от приставов. При этом, конечно, пара граждан, как положено в современной действительности, находится в пространстве «х.. знает кто и где». Соседи про одних таких жильцов сказали, что они есть, выходят, вроде бы, из дома, но этот момент трудно застать, и они никому не открывают двери. При этом дверь у этих таинственных людей была

вполне себе приличная и крепкая. В одной из пятиэтажек по улице Рабочей, постучавшись в дверь, услышав шаги, я сообщила, что это почта, а в ответ раздался оглушительный вопль: «Мы заперты!», если судить по голосу, то это был голос бабки. Ну, я не стала выяснять подробности и спустилась к почтовым ящикам, чтобы написать извещение. Пока спускалась вниз, бабка все еще продолжала орать что-то невнятное. Побывала в квартире мужчины с бородой, у которого были обложка паспорта и футболка с надписями «Я — русский!». Я — русская, и поэтому я с дипломом культуролога работаю почтальоном. Я — русская, и поэтому я — неведомая дурачина! Еще сегодня я успела побывать в общежитии на Рабочей улице, где не существует комнат, в которых живут адресаты — это последствия лихого передела комнат общежитий под квартиры десятилетней давности или когда там стали скупать общаги. Думаю, что не в 90-е, так как в это время общежития превратились в анклав пьянства, наркомании, насилия над кем только можно и ужаса из дружного и веселого сообщества молодых семей и начинающих специалистов. В этом же общежитии на первом этаже расположен участок полиции, а на счетчике у ящиков висел православный календарь с ликом Христа. На фоне этого лика Христа робко расхаживал мент с пустой пластиковой канистрой в руках, абсолютно не уяснив свое задание — принести воды. В итоге он сбился с мужеством и спросил о том, что ему делать с этой канистрой. Менты дружно засмеялись, послали на х.., потом послали за водой на второй этаж и стали с хохотом обсуждать то, как будут праздновать эту пятницу. На этом мент обиженно и вяло побрел с канистрой на второй этаж.

Из одной квартиры на меня пыталась выпрыгнуть шипящая черная кошка, но ее сдержал хозяин. В этом же доме в подъезде между стекол кто-то вставил живой цветок. Может, от радости, может, от несчастья, а может, от глупости. Возможно, по этим же причинам и кошка хотела на меня прыгнуть. Она же тоже русская.

14 ноября 2016

В новостях на Первом канале объявили о том, что на Урал пришли аномальные для последнего месяца осени морозы. А я поставила свой личный рекорд по длительности нахождения на морозной улице — 6 часов. Но за эти 6 часов ничего интересного не произошло: люди с работы или учебы бегом бежали в свои квартиры, ну, также и я старалась быстрее разнести письма и уведомления, чтобы поскорее оказаться дома.

Побывала вновь в своем любимом общежитии в конце Рабочей улицы. Узнала, что в комнате, ближайшей к счетчику с православным календарем, живет «по-русски не понимай», то есть эмигрант. Бог иронизирует. Этажами выше женщины общежития ходили мыться и готовили еду на общей кухне, горланя матерные шутки. Очень боялась постучаться не в комнату, а в туалет, так как табличек с номерами у комнат не было и быть не должно! Так таинственнее жить!

Впустила в подъезд по улице Рабочая, 3 рыжего кота, который, видимо, и проживал в данном подъезде. Кот был жирным, но все-таки его жир не спас от холода, и усы успели покрыться легкой изморозью. Наверное, он не слушал сегодняшний прогноз погоды. Пошел гулять и сильно удивился сегодняшним климатическим условиям. Завтра будет еще холоднее. Завтра я еще быстрее буду бегать по улицам.

18 ноября 2016

Могу сказать, что позавчерашний и вчерашний дни были концом, как мне казалось, того, что я могу выдержать. Больше минус двадцати с утра и сто одно письмо в сумке плюс куча повесток (маленькие бумажки от приставов с суммами неоплаченных штрафов, которые направлены практически в каждый дом на районе) — испытание на мою выносливость. Все эти два дня мои восемь переломов изнывали тянущей мерзкой болью, а в минуты упадка и усталости — горячей и резкой. Сдаться было стыдно.

Не покидала мысль, что я доставляю корреспонденцию не в ноябре 2016 года в Перми, а пробираюсь сквозь разруху зимнего Петрограда времен Революции и Первой Мировой войны с якобы важной корреспонденцией, которая уже через полгода превратится в ничего не значащую бумажку.

В общем, из-за всего вышеописанного уже не помню что-либо интересное, так как усталость стерла память. Разве что могу вспомнить однодневные фирмы, располагающиеся по несуществующим адресам и людей с фамилиями вроде Ухмандаева и т. п., живущих на четной стороне улицы Рабочей, которой нет. Там, где должна была быть четная сторона Рабочей, — гаражи и железная дорога. Наверное, такие люди, якобы живущие в гаражах, обладают безграничной выносливостью и силой, так как про них можно слагать мифы двадцать первого века. Ну, в конце концов, киргизов, которые стали предками ныне современных жителей Киргизии, воспитала олениха. А у узбеков даже была целая порода небесных коней, которые потели исключительно кровавым потом. И что им русский гараж? А что им 32 дня в месяц и 25 часов в сутки работать дворником на улице в любую погоду или в грязной шавермочной, пропитанной запахами дохлых собак и дешевого подсолнечного масла? Это все так, легкая проверка на шивость! Я тоже хотела бы стать гаражным богочеловеком, трудящимся, наполнившись сил от Бога, неба и прекрасного, а не быть русской сопливой энтузиасткой, воодушевленной собственным стыдом перед невыполненным долгом. Да, я хочу найти и в этом макулатурном труде нечто более, чем бестолковую разноску практически во всех случаях зря потраченной бумаги. Вот пример, пришла к человеку с фамилией Бондаренко, у которого была самая разбитая дверь во всем подъезде. Открыл дверь только потому, что к нему спустился из квартиры сверху сосед в майке, стал долбиться в дверь со всей дури и орать «Открывай!», чтобы покурить с Бондаренко. Этот Бондаренко и ему не с первого раза открыл, видимо, потому что еле дошел до своей двери. Судя по

всему, он спал, а мы его разбудили, на ногах он еле стоял и качался в разные стороны весь в татуировках на помятой коже. И непонятно, сколько ему лет — то ли мой ровесник, то ли старше лет на пятнадцать. Письма он получать отказался, покачав головой и пробурчав что-то вроде — «мне не надо», махнул одобряюще рукой на мое предложение написать извещения и положить их в почтовый ящик. Ясно, что он не будет получать эти письма. Ну, и зачем на него надо было тратить бумагу? Будто, проснувшись, в два часа дня он сразу же поймет, который сейчас час, какой сегодня день, какой за окном месяц, какой на календаре год? Вот бы стренько наденет свой пахнущий перегаром хобо-костюм и побежит платить штрафы приставам, а не покупать себе перцовку или «Охоту» крепкую? И кто в итоге глуп? Бондаренко, которого глубоко ничего не задевает в этом мире или государство, которое потратило бумагу и электричество на работу принтера как минимум? Но в обоих случаях абсолютно ничего прекрасного нет.

Может быть, прекрасное заключено в этом труде на всю стену в подъезде на улице Рабочей? Либо я культуролог в глубине души и из-за этого усомнилась в смысле своего физического, а не умственного труда. В любом случае данная работа на стене подъезда в разы лучше, чем «шикарные» подъезды комплекса новых домов «Пермские медведи» на Рабочей. «Пермские медведи» — верх человеческой глупости и тщеславия: такое неудобное и захолустное местоположение для элитного жилья, что лучше бы поставили вагончики для Ухмандаевых. Три дома из этого комплекса называются «Полярный медведь», «Гризли» и «Панда», а в Пермском крае, видимо, теперь водятся и такие представители рода медведьЕй. Дома, наверное, построены для панд, гризли и полярных медведей. Вот, в зеркальных лифтах ездят панды и гризли, потом выходят и здороваются с истинными хозяйками домов — вахтершами. Вахтерши в этих домах крайне важны и наглы. Глядят на простого смертного вроде курьера, электрика или просто не туда зашедшего, как

на бомжа, который вошел погреться и прикоснуться к «прекрасной» медвежьей берлоге. Вывод однозначен, как мне кажется сегодня: тяжел, не прекрасен и бессмыслен мой сегодняшний труд. Завтра, может быть, что-то изменится.

20 ноября 2016

А сегодня у Федеральной почтовой службы день рождения! Не запомнила, сколько лет ей исполнилось. Всех курьеров угощали конфетами, а для офисных сотрудников — корпоратив вечером. Все утро в главном штабе звучала музыка: почему-то Линда, Тату и Любовь Успенская исключительно. Возможно, музыку включали по желанию начальницы — молодой, задорной, активной и несколько нагловатой женщины, чья молодость пришлось на начало 2000-х. Успенскую, видимо, поставили для старшего поколения курьеров.

Хочу поведать об этом месте, куда стекаются бумаги в большинстве случаев, управляющие жизнь и настроение простых смертных. Что собой представляет главный штаб данной организации? Это примерно 100 квадратных метров, отданных под столы для тех, кто проверяет работу курьеров, для тех, кто распределяет письма по районам и ищет адресатов в случае, если их не так уж легко найти курьеру. Ну, и есть склад с корреспонденцией. Хотя все эти 100 квадратных метров тоже завалены коробками с письмами. Секретариат, операторы и прочие молодые сотрудники за компьютерами пришли к данным должностям, начиная с курьеров. Сейчас курьеры в основном — предпенсионного возраста мужчины и женщины и непосредственно сами пенсионеры. Они — надежный тыл Почтовой службы, потому что к работе подходят более ответственно, чем молодежь. Молодежь часто увольняется после первых недель работы, постоянно совершает ошибки в заполнении бланков, теряет письма, а адресатов, которых не могут найти, причисляет к умершим, выкидывает корреспонденцию, которую лень до-

ставлять. В общем, творит много глупостей. Есть, кстати, довольно странные особи среди курьеров, например, одно бесполое молодое существо в очках, которое одновременно похоже на юривую девушку и такого же юношу, бабушка-карлица с очень писклявым голосом, девушка, которая одевается а-ля «Белоруссия — 1979 год». Самый эпичный курьер — это высокий мужик лет 50, который громким и хриплым голосом ругается часто матом и носит жилет ДПС, светящийся в темноте, чтобы по вечерам видели, кто в подъезд заходит, наверное. Много «маленьких» людей с надломом и печалью в глазах. Потому что на такую работу может пойти человек, который не очень высоко себя ценит вследствие какой-либо потери в жизни: прежней высокооплачиваемой работы, мужа-кормильца или переживший проблемы со здоровьем, которые лишили частичной дееспособности для других видов деятельности. Например, есть в штабе курьеров довольно интеллигентный мужчина лет 50, который попал под увольнение. Работал инженером в «Газпроме» почти всю жизнь, а теперь пришлось пойти в почтальоны.

Могу сказать, что труд курьера довольно тяжел и не по всей этой тяжести оценивается и оплачивается. Есть у такой работы одно большое преимущество — простое общение с людьми. На самом деле очень много добрых людей живет в России, которые готовы объяснить, где расположен такой-то дом или квартира, усадить в своей квартире на табурет, пока заполняют бланки, открыть дверь подъезда без лишних вопросов, даже предложить печенье и конфеты. Дети, подростки и эмигранты со мной часто здороваются. А пенсионеры и старше 50 лет любят поговорить о курьерской деятельности и о работе государственных служб. Пенсионеры, конечно, достают своим «сованием своего носа» в мою работу: в прямом смысле лезут смотреть в бланк полученной корреспонденции, если по стечению обстоятельств я кладу в почтовый ящик письмо, а в это время проходит мимо бабушка или дедушка, при этом даже ничего не спрашивают, так как ничего и не понимают. Ну, их надо уважать, как

уважают меня. Одной бабушке, вот, помогла донести сумку до 4 этажа. Вообще, нужно делать добро и помогать людям, хотя бы подержать дверь для мамы с коляской, входящей или выходящей из подъезда, а эта мама укажет, на каком этаже находится та или иная квартира. Верю в то, что добро обязательно возвращается по кругу обратно к тому, кто начал цепь добрых дел. Может быть, это звучит небескорыстно, но душа моя чуть не иссохла от человеческого зла и равнодушия.

21 ноября 2016

Понедельник — день тяжелый! На самом деле муторно и лень после выходных и празднования дня рождения друга, половину которого ты несколько сомнительно помнишь, работать хоть курьером, хоть директором «Пермавтодора». В Федеральной почтовой службе трудящимся тоже было не очень весело, а курьер в жилете, светящемся в темноте, крайне жестоко и зло отнесся к очередным повесткам: мат стоял более чем «трехэтажный». В общем, ничего запоминяющегося сегодня не случилось. Разве что пришла отдавать письмо в военкомат на улице Академика Вавилова, а там единственный человек, который вправе получать письма, — ушел. Посоветовали ему позвонить и уточнить, когда вернется, предупредив, что он практически ничего не слышит. Меня охватило раздражение по поводу того, зачем глухой Иванченко Александр Иванович вообще кем-то работает, тем более в военкомате. От военных оркестров он оглох? Не стала я ему звонить и дожидаться его прихода. У меня свой график рабочего дня, а у него свой — я не буду подстраиваться под глухих!

Из всех, кого я сегодня видела, был весел только старый муж молодой милой девушки. Острил и рассказывал шутки, которые я не запомнила. А что ему не радоваться-то? Ему приходит более четырех писем из судов за день. При таком раскладе дел я бы тоже всегда оставалась в более чем ровном настроении, сидя на нейрорептиках или антидепрессантах.

Еще, оказывается, в Перми есть организация под названием «Пермподводстрой». Она чинит корабли и, видимо, подводные суда. Но ее я не нашла по заявленному на письме адресу.

«Он не открыл! Он там не открыл! И здесь не открыл! А я за мясом поехала! А он не открыл!» — удивленно кричала бабушка на весь автобус, когда водитель не открыл задние двери на двух остановках возле Центрального рынка и провез ее до Универсама. Все-таки понедельник — день тяжелый!

22 ноября 2016

Сегодня ходила в «Спартак» в поисках некоего председателя ликвидационного помещения Туранского! Да, да, бывают и такие должности. Этого Туранского уже более 10 лет никто не видел в «Спартаке». Его знал только очень старый тренер, одетый в советский свитер со спортивной эмблемой, который более 20 минут рассказывал мне про этого Туранского. Из рассказа тренера можно сделать вывод, что Туранский стоял у истоков «Спартака», работая юристом, при этом сам занимался спортом, проводя свои тренировки в гараже в районе улицы Рабочей (гаражи Рабочей — целая вселенная!). В начале 2000-х у «Спартака» был один юридический статус, а позже стал другим (во все эти подробности не вникала): со старым статусом исчез и Туранский. Теперь его разыскивают суды и приставы за то, что каким-то образом он умудрился присвоить себе незаконно крупную сумму денег и купить на эти деньги жилье — ну, может быть, из финансирования «Спартака» брал деньги на строительство квартиры. Несмотря на то, что Туранский, возможно, вор, старый тренер был очень хорошего и доброго мнения о юристе из спорткомплекса и даже хотел бы повидать его вновь. В самом деле, может быть, и правда, Туранский был достойным человеком.

От старого тренера я побрела вниз через коридор, где располагался спортивный зал, возле дверей которого стояли крохот-

ные мальчишеские ботинки и толпились мамы, подглядывая в щель двери спортзала. Наверное, происходило какое-то важное мероприятие среди маленьких боксеров. В тот момент я подумала, что их там могут научить воровать, применяя свои боксерско-юридические умения, а не терпению, выносливости, честности и волевому характеру. Но через несколько часов я решила, что если даже ты вор, но, как человек, как мужчина можешь помочь чужой женщине занести в автобус сани с ребенком, то абсолютно плевать на то, что ты ворешь. Воровство — тоже труд и тоже тяжелый. Даже будучи вором, можно оставаться человеком. Наверное, даже есть категория убийц, которые остаются людьми.

Собственно, мое мнение поменялось, потому что молодой и крепкий полицейский, ехавший в 42-ом автобусе, не стал помогать девушке заносить санки с ребенком в автобус, хотя стоял рядом со входом. Помогла женщина лет 45. И ведь этот полицейский будет наказывать и отчитывать каких-нибудь дураков, которые выносят из магазина водку или шоколад, но при этом никогда не вмешается в то, что пьяный муж бьет жену и своего ребенка, а самое главное — он не вмешается в то, если кто-то будет воровать в особо крупных размерах. Из всего этого пока складывается то, что Богу должно быть легче простить воровство, чем то, когда человек своими собственными каждодневными мелкими и гадкими поступками втапывает свое же достоинство в грязь большую, чем свалка миллионного города.

24 ноября 2016

Каждое утро я выхожу из офиса Федеральной почтовой службы, пройдя несколько дворов по улицам в районе «Пермской ярмарки» и остановки Ушинского, дохожу до своего укромного места, чтобы покурить. Укромное место состоит из непонятного ЖКХ-помещения и булыжников. На булыжники ставлю порой довольно тяжелую сумку с письмами, ну, и курю, составляя план

своего рабочего маршрута. Я всегда любила курить в уединении и не на ходу, потому что так получается поймать больше кайфа в этой никчемной жизни. Сегодня мое укромное место оказалось абсолютно неукромным: откуда-то метрах в шести от меня взялась бабушка с лыжными палками, занимавшаяся финской ходьбой. И вот, на расстоянии этих шести метров она стала спрашивать, зачем я здесь курю. Я ответила ей правду, крикнув: «Хочу здесь курить! Я же вам не мешаю!» Это было ошибкой. Она продолжала что-то орать в духе, что, мол, нечего здесь курить. «Послушайте, у меня тяжелая сумка, а здесь практически никто не ходит, я никому не мешаю и ничего не нарушаю», — я думала, что она адекватно воспримет мои слова и пойдет дальше заниматься финской ходьбой. Место-то действительно более чем укромное. Бабушка не отставала, она стала требовать назвать место, где я учусь. Я усмехнулась. На что она наконец-то решила подойти чуть ближе, упорно пытаюсь выяснить место моей учебы, телефон и имя ректора. Я сказала, что моего ректора зовут Георгий Максимович и назвала телефон своей матери. Сигарета уже потухала, но я не уходила, пытаюсь доказать, что мы правда в заднице вселенной и мало кому здесь мешает сигаретный дым, наверное, потому что завтра мне снова там захочется постоять в одиночестве, не наживая врагов. И тут бабка побежала на меня с угрозой, что сейчас ударит меня лыжной палкой. Я в первый раз в жизни удивилась так, что у меня открылся рот. Опешив, я не могла сдвинуться с места с этой тяжелой сумкой. Через секунду мне в переломанную и без того ногу вонзилась лыжная палка. Раздался дикий скрежет, я почувствовала резкую боль и подумала, что у меня теперь нет зимних ботинок. Последних зимних ботинок. Дальше я ушла в забытие на пару секунд и очнулась от собственного басового рыка: «Я нигде не учусь! Я работаю на холоде, потому что я дипломированный культуролог, потому что полгода назад я родила сына от некогда любимого мужа в ужасной больнице, поэтому мой муж нам не помогает! А я и мой

сын хотим жить полноценной жизнью, а не ограничивать себя в чем-либо! Почему я не имею права курить за этим сараем за все то, что со мной было? Конечно, я бы предпочла курить в своей квартире, а не здесь! Что тебе от меня нужно, ненормальная?» Бабка, испугавшись, выкатила на меня свои глаза, а с ее лица не сходила искаженная улыбка затаившегося психбольного человека. На этом, устав, я кинула окурок рядом и, хромая в ботинке со следом от острия лыжной палки, пошла пить чай в какое-то кавказское заведение на Ушинского, возле которого я могла свободно закурить среди тусовки нерусских таксистов, которым плевать с высокой башни мечети на то, кто и где курит. А бабка там так и осталась стоять и что-то непонятное бубнить самой себе. Злая то ли на мир, то ли на бабуку, то ли на мужа, то ли на саму себя, что докатилась до конфликтов с пенсионерками, дожила до конца рабочего дня и увидела живьем глухого Иванченко из военкомата, вернувшегося из сборного пункта с Докучаева. Он, правда, глух не на жизнь, а на смерть.

P.S. Сегодня проходила через новое испытание курьера — очень тяжелая сумка: были письма, состоящие, видимо, из судебных дел формата А4, каждое из которых страниц на 100–200. Прошла испытание, останавливаясь возле каждой лавки, камня и прочего, на что можно сумку поставить. Хотела уже привязать веревкой за ручку и волоочь по снегу или пинать ногой.

Лучше б ехать на поезде куда-нибудь.

1 декабря 2016

Рабочая неделя близится к концу, как и сама работа в Федеральной почтовой службе. А я ухожу из этой конторы, потому что, пока я разносила письма, меня позвали на должность администратора в травматолого-ортопедическое отделение поликлиники №1. Завела связи в бухгалтерии и отделе кадров сей больницы, когда вручала корреспонденцию их секретарям. Вчера прошла медкомиссию для работы администратора

с очень веселой женщиной-фельдшером, которая запиховала мое тельце во все нужные кабинеты с врачами, а к невропатологу мне даже не потребовалось заходить. Меня оставили стоять у кабинета, невропатолог громко спросил: «Припадки есть?», фельдшер с хохотом ответила, что нет, и все дружно продолжили ржать, как кони, а я — робко стоять в коридоре. Мне отказались делать ЭКГ без записи и указали на то, что фельдшер сама может провести данную процедуру. Фельдшер, матеря кардиологов, как последних собак, и моля Бога, чтобы аппарат, стоявший в ее кабинете, заработал, сделала мне ЭКГ. Не знаю, насколько правильно получились результаты, так как в момент снятия кардиограммы фельдшер от радости, что аппарат начал подавать признаки моей жизнедеятельности, запретила мне дышать, а я начала смеяться. Поэтому у меня теперь аритмия, хотя всю жизнь была тахикардия.

В понедельник сумка была такая тяжелая, что меня тошнило весь день от надсады.

Во вторник произошло то, что молодая мамочка ударила в плечо и вылила поток мата на меня за то, что я позвонила в единственный звонок на все четыре квартиры, скрытые одной дверью, и якобы разбудила ее ребенка. Мои извинения не были ею приняты. Мамочка в безумии оторвала голыми руками звонок под напряжением, долго бегала по площадке, как бешеная обезьяна в клетке. На фразе: «У тебя мозг, б...ь, есть?» — я обматерила мамочку в ответ, так как терпение лопнуло, указав на то, что нормальные дети, как мой сын, от звонков в дверь не просыпаются. За что и получила удар в плечо. В конце нашей беседы выяснилось, что я — выдохшее чмо, а она — жирная корова. Думаю, если бы у меня была такая мать, я бы вообще никогда не спала. Позже я поревела и успокоилась, представив, как в следующий раз на площадку вломятся приставы к тому соседу, которому пришлось уже не впервые письмо из ФССП, а мамочка накинется, как безумное животное, на людей, в чьих, иногда увесистых, руках находимся все мы. Придя домой, я первый раз в жизни абсолютно здоровая и не

после бессонной ночи пала спать в семь часов вечера, потому что уже не умела дышать, как обычный человек.

В прошлую пятницу поиграла с вахтершей из дома на Малкова, 26 в разведчиков. Я принесла письма и отдала их вахтерше, чтобы она передала жильцам, а она стала меня допрашивать с прищуренным и пристальным взглядом, как Иосиф Виссарионович допрашивал бы Адольфа Гитлера, уточняя, много ли писем за день у меня было, откуда именно письма, ходила ли я в другие подъезды их дома. Наводящих вопросов было много, а я покорно на них отвечала правду. Вахтерша списала абсолютно всю информацию, имеющуюся на конвертах. В финале задала вопрос: «Какой номер у подъезда перед их подъездом?» Я ответила, что второй, потому что действительно второй. Вахтерша же оказалась абсолютно другого мнения. «Я много раз тебе говорила, что тот подъезд — первый, а какой номер у того подъезда?» — указала вахтерша на подъезд уже другого дома по номеру Малкова, 26/1. Ну, я и ответила, что Малкова, 26/1. Этим правдивым ответом я снова накликала на себя беду. Вахтерша стала грозным голосом объявлять то, что это не так, и показывать листок бумаги, на котором было написано старательно вычерченными крупными буквами «Малкова, 26/1». «Приехали», — пронеслось в моей голове. В общем, мы находились не в первом подъезде по улице Малкова, 26, а в другом доме под номером 26/1, по мнению престарелой вахтерши. Далее вахтерша сообщила мне, что она уже со мной общалась по этому поводу, но я ее видела в первый раз за две недели работы, следовательно, и она меня. Поняв, что я снова имею дело с особью, пораженной маразмом, решила отступить. Но вахтерша решила еще что-то уточнить по поводу, откудова письма. Я что-то пробурчала и крикнула: «Еще от меня что нужно?» — терпение стало сдавать. Вахтерша наконец-таки сказала, что ничего не нужно, отметив, что она передаст письма лично в руки хозяевам. Ну да, ну да. При этом она овладела довольно личной информацией о характере этих писем, списав с них все координаты. Не удивлюсь, если их

вскроет, прочитает и так же аккуратно положит обратно, склеив конверт.

В один из дней мужчина-курьер наигранно с досадой кричал, что хочет повеситься из-за того, что взял слишком много писем и просил мыло с запахом сирени, чтобы от его трупа хорошо пахло. А дяденька в светящемся в темноте жилете заплевал всю накладную у оператора, когда перелистывал страницы, так как плевал себе на пальцы довольно смачно. Оператор смущенно просил прекратить это делать, но было бесполезно.

Сегодня нам, курьерам, не дали аванс, который обещают выдать уже несколько дней, поэтому не звучал курьерский черный юмор в офисе, а лица были печальными.

Часть вторая: администратор

8 декабря 2016

Сегодня я провела свои первые семь часов в жизни в больнице в качестве сотрудника, а не пациента. Оказывается, администратор поликлиники — младший медицинский персонал. Честно сказать, принципы своей работы я не поняла вообще: то ли потому что я медленно думаю, то ли потому что старшая администраторша работает в регистратуре травматологии семь лет и не считает нужным объяснять столь простые для нее вещи, вроде кто приносит в регистратуру карты после приема пациентов врачами. Ну, я все-таки завела и нашла пару медицинских карт.

Привели бабушку, которая упала на швейную иглу щекой: щека синяя, опухшая и с дыркой от иглы.

Сейчас я изучаю основы и принципы медицинской деонтологии, потому что утром пришла женщина, которая постоянно кричала, что у нее бабушка умирает, и взволнованно просила карту. Я карту не могла найти, так как искала ее на полках с «пенсионерами». К моим поискам присоединилась старшая администраторша, но и она не добилась успеха в этом деле. Потому что выяснилось, что карту надо было не умирающей бабушке,

а этой женщине, которая 1963 года рождения и следовательно, не пенсионерка. Женщина эта успела меня унижить, истерично крича, что я не умею читать. Хотелось просто закрыть окно регистрации перед ее ртом и спокойно продолжить поиски. Я не понимаю, зачем женщина 1963 года рождения привела с собой умирающую бабушку (не понимаю, как бабушка вообще до сих пор жива и способна ходить). Может быть, бабушка должна была подтвердить факт того, что женщине 1963 года рождения в августе плохо вылечили вывихнутый палец.

Перелом челюсти, перелом левой ключицы, оскольчатый перелом пяточной кости со смещением, перелом шейки левого бедра, перелом колена, перелом лонной кости слева с разрывом подвздошно-крестцового сочленения, перелом лонной и седалищной костей справа — мою карту со всеми этими переломами потеряли в регистратуре моей больницы через год после ее заведения и ничего, я живу и не вякаю.

9 декабря 2016

Сегодня на весь коридор травматологии два часа играла исключительно одна и та же песня — «Сектор Газа — Водка». Ее включал пьяный Хасанов, иногда засыпающий на скамье у кабинета дежурного врача, а иногда хватаящий за различные части тела проходящих мимо людей. Хасанов пришел с опозданием на месяц к травматологу на прием. К нему под конец присоединился люмпен (ну, вид у него был довольно асоциальный) с грязной огромной сумкой, в заношенном спортивном костюме, старом тулупе и в коростах по всему лицу, которого укусила собака. Последний всячески поддерживал Хасанова и присоединился к возмущениям по поводу того, что их не принимают врачи. Санитарка пыталась Хасанова успокоить и добиться того, чтобы он выключил музыку на смартфоне. Когда Хасанова записали на другой день, и он направился к выходу — люмпен стал его обнимать на прощание.

В самом начале своего захода в больницу у меня Хасанов просил расческу, спрашивал, не с Паркового ли я и не являюсь ли я интернетом. Я на все отвечала: «Нет», а Хасанов тяжело вздыхал и говорил: «Жаль».

Не знаю, почему Хасанов пришел таким пьяным в поликлинику, может, он так боится врачей. Врачи хохотали все два часа нахождения Хасанова на территории больницы, а я не была столь весела, потому что по-прежнему много чего не понимаю в своей работе. Только в 8 утра совершила благое дело: поддатому мужику с сырым гипсом на ноге отдала свой пакет, чтоб обернул ногу. Мороз все-таки на улице.

13 декабря 2016

У бабки стал гноиться в ноге штырь, потому что в 25 лет она сунула руку в клетку еноту и он ее укусил (травматологическая шутка про сегодняшних пациентов в совокупности). Работая в вечернюю смену, запасаюсь едой и книгами, потому что делать нечего. Разве что перечитывать эпикризы Литвиненко из моей любимой ПККБ.

В роддоме девятой медсанчасти девушке во время кесарева сечения врачи обожгли ногу лампой накаливания, а она ничего не почувствовала, потому что была под обезболивающими. Поняла, что у нее ожог, когда стала чувствовать боль от оперативных родов, которая утраивалась болью от ожога.

Спасибо, что живой, медсанчасть имени Тверье.

15 декабря 2016

Сегодня в травмпункт пришла бомжиха Нина с синим лицом, то ли из-за обморожения, то ли из-за грязи. Но пришла она не по поводу своего лица, а мучили ее боли в ноге. Пришла с мужем. Ей часа два делали что-то вроде мини-операции на ноге, а муж сидел в коридоре. Все эти два часа я и простые смертные травмированные задыхались от запаха, исходящего от мужа Нины. У Нины,

кстати, есть не только муж, но и комната в общежитии на Малкова, 18.

Был еще юрист, которому срочно надо было попасть к врачу. За то, чтобы я все устроила, как надо, он обещал мне коробку конфет. Но врач отказалась его принимать без записи, поэтому я осталась без конфет.

17 декабря 2016

Пятница, вечер. В травмпункте появилась Марина, идя пошатываящейся походкой и с тянущимся за ней шлейфом алкогольного аромата. 41 год, серая шуба и шапка а-ля 1999, синие китайские дутики, вязаный шарф салатового цвета, красная сумка из кожзаменителя, паспорт с обложкой в виде флага РФ, живет рядом, в хрущевке на Рабочей. Заводя карту у меня, саркастично обозначала, что медицина без писарей никуда, и встревоженно пыталась у меня узнать, сколько она заплатила за такси. Я направила Марину в кабинет первичного приема, потому что мы не можем отказывать пьяным в помощи. Врачи очень долго накладывали гипс бабушке с вывихнутым плечом. Марину это разгневало, и она стала орать, что если ее не примут сейчас, то б...ь, н...й, она выпнет дверь кабинета первичного приема. Мне пришлось выйти на это заявление, потому что успокаивать травмированных — одна из моих обязанностей. Хотя пьяные периодические женские выкрики, смешанные с истерическим визгом и хохотом, я слышала уже около часа, расставляя карточки в регистратуре. Попросила Марину не орать. На это Марина пообещала меня размазать по стенке. Я предоставила выбор Марине: либо она уходит домой и приходит в другой день трезвая, либо я иду к охране. Марина сказала, что я сука е....я. Я пошла за охранницей. Охранница Марину не успокоила. Марина продолжала обещать искалечить здесь всех присутствующих. Присутствующие же стали смеяться. В этот момент ей кто-то позвонил, она стала рассказывать по телефону, что сейчас к ней подошли в белой (я) и черной (охранница)

одежде люди, которые обещают вызвать кого-то, кто отправит ее в вытрезвитель, и что ее не принимают врачи. Видимо, по телефону спросили, что мы за люди. Марина стала читать с бейджа охранницы информацию: «И. П. Серегин И. А., частное охранное агентство...» и т.п., называя охранницу И. П. Серегин И. А. По телефону Марине посоветовали выйти на улицу, подойти куда-нибудь ближе к ГОЗНАКу и вызвать скорую себе. Охранница почему-то медлила, надеясь на мирный исход. А Марина окончила разговор, уронив телефон на пол, взялась за старые обещания и оскорбления. Мне пришлось принять решение за охранницу и, так скажем, приказать нажать на тревожную кнопку. На что Марина попыталась ударить охранницу, которая стояла рядом, а я продуманно отошла на несколько метров назад, но Марина упала и ползала в шапке набекрень по травмпункту минут семь, так и не избавившись от своих всплесков агрессии. За это время прибыла группа быстрого реагирования, и пока пацаны шли по коридору от центрального входа, Марина, услышав мои переговоры с охранницей о том, что за ней приехали, успела лягушачьим прыжком окатиться у выхода из травмпункта, открыть дверь, упасть с диким грохотом со ступеней и уползти в сторону своего дома. Я позволила ей скрыться, сказав приехавшим охранникам, что не разглядела, куда направилась Марина.

На самом деле мата было в разы больше.

Если бы не медицинская деонтология, то как говорил мой муж: «РОТАЛГУ СВОЮ, Н...Й, ЗАКРОЙ, ПАСТЬ ЗАТКНИ!»

23 декабря 2016

Вчера один из наших травматологов внезапно решил уйти на обед в блинную через дорогу от больницы, чем создал очередь из волнующихся пациентов, пришедших по записи на то время, в которое он отправился есть блины. Пациенты, конечно же, начали его искать, одолевая вопросами персонал травмпункта.

А что, не имеет право человек блинов поесть? Тем более если очень сильно захотелось. А эти волнующиеся могли бы сесть на скамьи да ждать тихонько. Скамей хватит-ло бы на всех.

Долб...ы, б..., все переломанные, ходить не умеют, падают, а потом приходят с наглым видом и заявляют, что, мол, у них нога отсохла после лечения. Да к ты сначала ходишь научись, а потом вякай!

27 декабря 2016

В травмпункте зацвели цветы на радость администраторам. Как сказала моя сменщица: «Единственная красота среди этих переломанных придурков».

29 декабря 2016

Чеченцы, чувак под феном, валяющиеся алкаши, пьяные мужики с корпоратива, ушибленные бабушки и дети, жены, врезающие своих мужей с гипсом на инвалидных креслах в стены, доломайте меня!

Хочу загадать, чтобы отходянок от марафона длиною в год был без голосов, истерик, панических атак и параной. Просто от...сь от меня, 2016 год, и дай поспать до 12:00.

30 декабря 2016

Отдам дань моде современной России, которая 30 декабря не только готовилась к Новому году, но и отмечала с размахом день столетия смерти Гришки Депардьё Распутина. Ура!

Снова ура, товарищи православные монархисты хлыстовского толка!

31 декабря 2016

В последний рабочий день в этом году наш травмпункт одолевал Шепотов Дмитрий Евгеньевич, заходя к нам четыре раза

за мою смену все пьянее и пьянее. Первые попытки Шепотова уснуть на скамейке успешно успевала пресечь охранница. В последний раз данный товарищ явился за час до закрытия травмпункта с буханкой хлеба и сразу же лег спать на скамью. Я и охранница не смогли его разбудить, пришлось вызвать ГБР. У ГБР тоже не получилось его привести в чувство, так как Шепотов открыл глаза, но закатил их и не мог пошевелиться, тем более что-то сказать. Позвали травматолога, который смерил Шепотову пульс — Дмитрий был жив. Решили вызвать бригаду скорой помощи. Общими усилиями до приезда машины скорой помощи смогли заставить Шепотова начать говорить и сесть, но он решил снять один ботинок. Скорая помощь около получаса пыталась сделать все возможное, чтобы Шепотов покинул травмпункт. Ему предлагали уйти домой или к своим собутыльникам, поехать в токсикологию, в психушку либо в наркодиспансер. Шепотов не желал покидать наше заведение и просил смерить у него уровень сахара в крови, а также вернуть ему буханку хлеба, которая валялась на полу, поэтому ее успели за это время выкинуть в мусорное ведро. Уровень сахара смерили, хлеб

вернули. Шепотов, поняв, что с уровнем сахара у него все нормально и получив свой хлеб обратно, радостно сообщил о том, что желает поехать в наркологию. Дмитрию помогли надеть второй ботинок, который он снял. ГБР и бригада скорой помощи с облегчением направились к выходу, но Шепотов не сдвинулся со скамейки. Сотрудники ГБР были вынуждены вытащить Дмитрия силой. На улице еще долго что-то выясняли Шепотов и скорая помощь, но все-таки он сел в машину. Я и больничная охранница стояли у окна наблюдали за всем происходящим, надеясь на то, что Шепотов не вернется к нам в пятый раз. Когда машина с Дмитрием сдвинулась с места, мы стали чуть ли не обниматься и с улыбками на лице говорить: «Ну, наконец-то! Ура!», потому что истекал наш последний рабочий час в 2016 году и можно было со спокойной совестью отправляться домой, а охранники из ГБР на прощание радостно помахали нам рукой.

Самый заслуженный и старейший травматолог, который любит блины, пожелал мне следующее перед тем, как я пошла домой: «Бухать и еще раз бухать в праздники!» Ура!

А у хирургов сегодня в кабинете была ретро-дискотека.